

ЛИРИКА ЛИДИИ ХАИНДРОВОЙ: МОТИВНАЯ СПЕЦИФИКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ

Куликова Е. Ю.

Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается лирика Лидии Хаиндровой – поэтессы, чье творчество расцвело в первой половине XX века в Харбине и Шанхае. Актуальность исследования заключается в выявлении особенностей поэтики стихотворных сборников Хаиндровой, что поможет уточнить представления о литературе восточной ветви русской эмиграции. В качестве методологической основы работы выступают культурно-исторический, феноменологический, типологический и компаративный подходы. Цель работы состоит в том, чтобы показать лирику Хаиндровой во взаимосвязи с русской культурой и, в частности, с Серебряным веком, от которого эмигранты, несмотря на обстоятельства, не были оторваны ни в эпоху революции, ни в последующие годы.

В статье представлены отклики на лирику и творческую судьбу Лидии Хаиндровой из «Поэмы без предмета» Валерия Перелешина – знаменитого восточного эмигранта, окончившего свои дни в Бразилии. Отмечена, кроме того, особая близость поэзии Хаиндровой к творчеству Анны Ахматовой (вплоть до подражательных элементов), проанализированы отдельные стихотворные параллели. Обозначена также поэтическая и человеческая близость Хаиндровой с Лариссой Андерсен – упоминания в «Поэме...» Перелешина, письма, отзыв Андерсен на стихотворение «Тополиха».

В исследовании рассмотрен лирический космос Лидии Хаиндровой – основные мотивы и образы, наполняющие ее стихотворные сборники: Апокалиптические мотивы, столкновение «цветов зла» и «евангельских гроз», флористические образы, сад как метафора судьбы, метафора любви и в некоторых случаях одиночества и т. д. Показана романтическая ориентация поэтессы: многие мотивы ее лирики заимствованы у романтиков (грозы, горы, дорога, путь вверх, падение), но в то же время в ее творчестве нет острой оппозиции, нет отчетливых антитез, нет сильных эмоций отрицания. Лидия Хаиндрова не проводит стихотворных экспериментов, не пробует разнообразные размеры и ритмы на вкус, не эпатирует читателя пугающими образами, ее поэзия тиха, спокойна и бесхитростна.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская поэзия; русские поэтессы; поэтическое творчество; русская эмиграция; литературная эмиграция; лирические жанры; лирические сюжеты; поэтические мотивы

Б л а г о д а р н о с т и : работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Куликова, Е. Ю. Лирика Лидии Хаиндровой: мотивная специфика и художественная генеалогия / Е. Ю. Куликова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 105–114. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-09.

THE LYRICAL WORKS OF LYDIA KHAINDROVA: MOTIF SPECIFICITY AND ARTISTIC GENEALOGY

Elena Yu. Kulikova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
(Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract. The article deals with the lyrical works of Lydia Khaindrova, a poetess whose poetic activity was in full swing in the first half of the twentieth century in Harbin and Shanghai. The urgency of the study lies in identifying the specific features of the poetics of Khaindrova's collections, which can help clarify the ideas about the literature of the eastern branch of the Russian emigration. The cultural-historical, phenomenological, typo-

logical and comparative approaches serve as the methodological basis of the study. The purpose of the article is to present Khaïndrova's lyrical works in their unity with Russian culture and, in particular, with the Silver Age, from which emigrants, despite the circumstances, were not cut off either during the era of the revolution or in subsequent years.

The article presents the responses to Khaïndrova's lyrical works and creative activity from "Poem Without an Object" by Valery Pereleshin, a famous oriental emigrant who ended his days in Brazil. In addition, the study notes the special links of Khaïndrova's poetry with Anna Akhmatova's works (up to imitative elements) and analyzes individual poetic parallels. The poetic and human affinity of Khaïndrova with Larissa Andersen is also indicated – the mentions in the "Poem" by Pereleshin, the letters, and Andersen's review of the poem "Topolikha".

The study considers the lyrical cosmos of Khaïndrova – the main motifs and images that fill her poetic collections: apocalyptic motifs, the clash of "flowers of evil" and "gospel thunderstorms", floristic images, garden as a metaphor of fate, the metaphor of love and in some cases loneliness, etc. The author demonstrates the romantic orientation of the poetess: many motifs of her lyrical works are borrowed from the romantics (thunderstorms, mountains, road, way up, fall), but at the same time, there is no sharp opposition in her works, no distinct antitheses, no strong emotions of denials. Khaïndrova does not make experiments in poetry, does not taste various meters and rhythms, and does not shock the reader with frightening images – her poetry is quiet, calm and unsophisticated.

Key words: Russian poetry; Russian poetesses; poetic creative activity; Russian emigration; literary emigration; lyrical genres; lyrical plots; poetic motifs

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation Grant No. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the First Half of the 20th Century as the Area of Literary Transfer".

For citation: Kulikova, E. Yu. (2022). The Lyrical Works of Lydia Khaïndrova: Motif Specificity and Artistic Genealogy. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 105–114. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-09.

«Лидия Хаиндрова относится к тем поэтам Русского Зарубежья, чье творчество расцвело в 30-х-40-х годах в Харбине и Шанхае. Молодая поэтесса издала там три книги своих стихотворений, принимала участие в альманахах и коллективных поэтических сборниках, много печаталась в периодических изданиях» [Хаиндрова 2003: 5], – пишет в предисловии к сборнику стихов и прозы Хаиндровой «Сердце поэта» Е. Таскина. В книгу вошли стихотворения прижизненных сборников «Ступени» (1939), «Крылья» (1941), «На распутье» (1943), коллективного сборника «Остров» (1946), неизданной книги «Сердце» и последнего сборника стихов автора «Даты, даты...» (1976).

Нельзя сказать, что творчество Хаиндровой является белым пятном в литературоведении. О ее стихах писали и дальневосточные исследователи (А. А. Забияко и Г. А. Эфендиева [Забияко, Эфендиева 2008], С. И. Якимова [Якимова 2009]), во Владивостоке была защищена диссертация Мяо Хуэя о китайской культуре в русской эмигрантской традиции, где упоминались стихи Хаиндровой («Китайская пашня», в частности) [Мяо Хуэй 2016], можно назвать и статьи из Перми (А. А. Арустамовой и Д. А. Третьяковой-Суворовой [Арустамова, Третьякова-Суво-

рова 2018], Чжана Юаньюаня [Юаньюань 2021]) и др. С другой стороны, специального обзора и анализа лирики поэтессы сделано не было, о ней говорилось либо в контексте всей русской восточной эмиграции, либо акцент был сделан на ее мемуарах, либо касался китайских мотивов в ее произведениях. Между тем интересно посмотреть на особенности поэтики стихотворных сборников Лидии Хаиндровой.

Раннее детство Хаиндровой прошло в имении деда на Кавказе. Она была привезена в Харбин ребенком в 1916 г., там и окончила русскую гимназию. В 1928 г. начала печататься: участвовала в кружках «Молодая Чураевка», «Пятница» (в Шанхае), работала в издательстве газеты «Заря» (Харбин), ее стихотворения публиковали в газетах «Чураевка» и «Русское слово», в журнале «Понедельник», «Парус», «Рубеж», «Феникс», в сборниках «Излучины», «Семеро», «Багульник», «Остров», в «Гумилевском сборнике» (см. об этом: [Хаиндрова 2003: 24]).

Хаиндрова писала в автобиографии: «Общепринятое мнение: Родина одна, Отчизна одна. Ну а как же быть, если, как говорится, мы с молоком матери всосали в себя любовь к Китаю, я имею в виду не Китай хунвейбинов и цзаофаней наших дней, а тот Китай, а скорее

Маньчжурию, которые мы знали в младенчестве, в юности и зрелости» [Хаиндрова 2003: 274–275]. В Лидии Хаиндровой «не было русской крови: отец – Ивлиан Хаиндрава – грузин по национальности, мать – полька. Приехав (по сути же – вернувшись) из родового грузинского имения в 6-летнем возрасте в Маньчжурию, Хаиндрова не знала ни России, ни русского языка. Но затем, выучив его „лучше любого русского“, она не только стала писать на русском стихи, но и, позабыв грузинский, считала язык Пушкина родным. В процессе вхождения в русскую культуру – в первую очередь, через овладение языком, – она также пришла к осознанию своей принадлежности сразу к двум этническим общностям: грузинской и русской» [Забияко, Эфендиева 2008: 117–118].

В «Поэме без предмета» В. Перелешин неоднократно упоминает Хаиндрову. Вот описание ее внешности, данное поэтом как сравнение настоящего и прошлого. Лицо Хаиндровой воспринимается в динамике, но с обратным временным ходом – от «среброкудрой императрицы» к юной девушке:

Дано грузинкам среброкудрым
достоинство императриц:
как часто перед взором мудрым
я раболепно падал ниц!
Хаиндрову черноволосой
застал я – стройной, остроносой,
великолепно-молодой
(не родилась она седой) [Перелешин 1989: 54].

В Китае Хаиндрова выпустила три сборника стихотворений – «Ступени», «Крылья», «На распутье». В 1947 г. поэтесса уехала в Советский Союз, поселилась в Краснодаре, где в 1976 г. был напечатан сборник ее стихов «Даты, даты...».

Ли Яньлин в предисловии к циклу «„Сирены“ у Сунгари» указывает: «В русской эмигрантской литературе в Китае поэзия занимала заметное место, и среди поэтов поэтессы выглядят более привлекательными, можно сказать, что они занимают свое почетное место на Парнасе. Некоторые стихотворения своими высокохудожественными достоинствами сравнимы с подлинными жемчужинами, которые вначале родились в России, а сформировались в Китае» [Мяо Хуэй 2016: 105–106].

Представим еще одну цитату о Хаиндровой из «Поэмы без предмета» В. Перелешина:

В Шанхае трутневик (не пчельник)
еще гнусавил в те года;
чрезмерно кислый «Понедельник»,
чрезмерно сладкая «Среда».
Мы своевольно завладели
Вторым из постных дней недели,
и неприметно, под шумок,
возникла Пятница – кружок
восьми поэтов, но закрытый.
Лезгинку, Лида, пропляши,
крылами, Лара, помаши –
и властвуйте над верной свитой...

[Перелешин 1989: 243]

Национальный грузинский танец пляшет, конечно, Лидо, как называли Хаиндрову поэты, а сборник стихов «Крылья», вышедший у Хаиндровой в Шанхае в 1941 г., откликается в образе Лариссы Андерсен.

В дневнике Хаиндровой читаем: «У каждого есть дом, если дома нет – любимый, если нет любимого – надежда его встретить. У меня же ничего нет... А стихи: не дом ли, не любимый, не надежда ли?» [Хаиндрова 2003: 378]. «Счастье и любимое творчество – это уже рай осуществленный, – но несчастье совместно с творчеством – это огромная ценность – может быть, лучшее даже сочетание, чем первое, потому что страдания рождают глубину» [Хаиндрова 2003: 378].

Здесь слышны отголоски лирики Ахматовой: «Одной надеждой меньше стало, / Одной песней больше будет» [Ахматова 2016: 74]. Вообще, «звучание женской лиры русского Харбина определила в первую очередь поэзия Анны Ахматовой. Конечно, во власти ахматовских интонаций и поэтических приемов оказались женщины-авторы не только дальневосточного, но и европейского зарубежья и, конечно, самой метрополии» [Забияко, Эфендиева 2008: 75].

Ахматовские интонации и реминисценции из ее стихов постоянно звучат в стихах Хаиндровой, да и сам общий строй ее лирики ориентирован на точеную эпиграмматичность и точность формулировок Ахматовой, особенно ранней. «В основе ахматовских формул, – писал В. М. Жирмунский, – лежит не общее суждение, а точное и тонкое восприятие явления внешнего мира, иногда даже только остро и точно переданное непосредственное ощущение»

ние как выражение стоящего за ним психического факта... Особенно характерно употребление таких эпиграмматических строк в качестве концовок стихотворений» [Жирмунский 1973: 96]. Возможно, Хаиндрова, неосознанно (или осознанно?) копируя Ахматову, придавала своим стихам элементы психологической драмы или философской зарисовки.

Приведем несколько примеров.

1.
Свежесть и чуткость мои утрачены,
Стало спокойным горе мое...
Горько услышать ангелу падшему,
Как серафим поет... [Хаиндрова 2003: 31]

Ср. у Ахматовой:

Нам свежесть слов и чувства простоты
Терять не то ль, что живописцу – зренью...
[Ахматова 2016: 77]

...Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно [Ахматова 2016: 42].

Слово «спокойно» – одно из любимых (точнее, нелюбимых) в лирике Ахматовой: так чаще всего (но не всегда!) характеризуется у нее нелюбовь.

...Улыбнулся спокойно и жутко.
И сказал мне: «Не стой на ветру»
[Ахматова 2016: 24].

...Муж мой, вернувшись, спокойно сказал...
[Ахматова 2016: 34]

...А не дописанную мной страницу –
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука
[Ахматова 2016: 70].

2.
Казалось бы, стихи – из ничего.
Не в них и облака и травы.
И вздохи зябнувшей дубравы
Находим в песне величавой
Мы отзвук сердца своего.
Из сердца рвутся, нет управы.
Так из чего они, стихи? [Хаиндрова 2003: 144]

У Ахматовой:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи... [Ахматова 2016: 187]

3.

Строки
...Теперь сияньем глаз твоих
Мне ни один не улыбнется –
Того, кто навсегда затих,
Земная слава не коснется...
[Хаиндрова 2003: 102]

отсылают к знаменитому ахматовскому:
Земная слава как дым,
Не этого я просила... [Ахматова 1998: 212]

Стихотворение Хаиндровой создано в год смерти ее возлюбленного М. П. Григорьева. Михаил Петрович Григорьев был писателем, переводчиком с японского языка. С ним Хаиндрова познакомилась в 1939 г. «Дружба, переросшая во взаимную любовь, вызвала многие из написанных ими стихотворений, – рассказывает Т. Пищикова, составитель сборника стихов и прозы Хаиндровой „Сердце поэта“. – Мне помнятся интереснейшие беседы, которые они вели между собой и с нашей мамой, и стихи, часто звучавшие среди беседы» [Хаиндрова 2003: 7]. А в тексте Ахматовой имеется в виду бронзовый памятник Пушкина (чьим потомком считал себя Н. В. Недоброво, к которому обращено стихотворение). Пушкин оказывается в позиции неизменного любовника лирической героини, подобно тому, как в других ахматовских текстах Муза – ее подруга, сестра. Бронзовый цвет памятника может обозначать и арапскую смуглость Пушкина, важную для поэтов Серебряного века¹ («смуглый отрок», «смуглая рука» и «смуглые ноги» Музы), и пластическое ощущение темного, объемного предмета, выступающего из рамок кружащейся вокруг него метели, как в стихотворении «Когда о горькой гибели моей...». Свой памятник Ахматова тоже представляет бронзовым, как бы заимствуя для себя пушкинский цвет.

4.

Осмысляя свою поэтическую сущность, Хаиндрова пишет стихотворение «Муза» (1938).

¹ Ср., например, у Цветаевой: «смуглая рука» Пушкина; «Не он ли, смуглый, крадет с арбы / Рукой моей – абрикосы». Цветаева, как и Ахматова, присваивает себе смуглую руку Пушкина.

Разумеется, ахматовский подтекст здесь совершенно очевиден и, пожалуй, специально провозглашен, однако, так или иначе, молодая поэтесса наполняет текст своими ассоциациями и образами:

Муза
 Когда я ожидать перестаю,
 Приходишь ты, смугляночка родная,
 И строфы гордости гортанно исторгая,
 Мне говоришь про Родину мою.
 Ты с ней живешь, и корни в ней твои.
 С тобой земля делилась внешней силой...
 Пока полмира я исколесила,
 Почти забылся плеск ручьев в крови.
 Кому же было легче
 Иль трудней?
 Я вслушиваюсь в твой гортанный говор
 И все не знаю языка родного,
 Но плеск ручьев храню в крови своей
 [Хаиндрова 2003: 44].

Цитата про «смуглую руку» Музы представлена выше («Допишет Музы смуглая рука» [Ахматова 2016: 70]), и пушкинское происхождение этой «смуглости» обозначено (вплоть до бронзового памятника у Ахматовой). «Смугляночка родная» у Хаиндровой – это и пушкинско-ахматовско-цветаевская линия, однако и грузинское происхождение поэтессы тоже коррелирует с этими образами: смуглый цвет лица лирической героини вписан в поэтический контекст.

В стихотворении Хаиндровой дублирован не только ахматовский заголовок, но и начальный синтаксический ход:

Когда я ночью жду ее прихода,
 Жизнь, кажется, висит на волоске...
 [Ахматова 2016: 173]

Но в своем стихотворении Лидия Хаиндрова вспоминает и свою Грузию («строфы гордости гортанно исторгая», «гортанный говор»), язык которой она забыла, но вместо него помнит «плеск ручьев», который становится метафорой ее ностальгии. Хаиндрова говорила, что у нее «три Отчизны... Россия – Отчизна, хотя ни капли русской крови во мне нет. Меня породила с ней вся ее многовековая история, со всеми ее взлетами и падениями. Грузия – Отчизна

потому, что это страна моего отца, а Китай Отчизна, потому что он вскормил и вспоил меня» [Хаиндрова 2003: 277].

5.

Кроме того, внезапное начало – с союза «и» или «а» – ахматовская черта, отмеченная еще Жирмунским, тоже используется Хаиндровой неоднократно. Стихотворение «В книгохранилище» начинается так:

...А¹ тем, кто скажет, что они спокойно
 На полках отдыхают без людей...
 [Хаиндрова 2003: 145]

...И² матери ждут помощи детей,
 Не опоздайте, – человек не вечен...
 [Хаиндрова 2003: 147]

Во всех перечисленных текстах можно увидеть подражательность, то есть те свойства лирики поэтессы, которых Гумилев называл «подахматовками», но в то же время Хаиндрова имеет и свой голос, свою мягкую, легкую интонацию: она говорит не пафосно – тихо, душевно. Конечно, формулы ее вторичны, но узнаваемы и покоряют своей открытостью и сердечностью.

Лирический мир Хаиндровой строится на описании душевных переживаний, в какой-то мере определенных мэтрами русской классики или известными поэтами Серебряного века, но описанные в текстах чувства, безусловно, встраиваются в личную картину бытия поэтессы.

Кажется, что лирическая героиня растянута между двумя полюсами: «цветы зла» и «евангельские грозды». Отчаяние и гибель мира, видимая Хаиндровой через свою судьбу, через судьбу других русских поэтов-эмигрантов, отражается в стихах не прямо, не конкретно: образы смутны и символичны, но они легко читаются:

Расплакавшийся звездный луч
 В густые сумерки скатился.
 Ночь прилегла у снежных туч,
 И тихо колокол молился.
 Как синий мрак, печаль вползла,
 Раскашлялся бураном ветер...
 И оттого, что много зла, –
 Не выйдет солнце на рассвете
 [Хаиндрова 2003: 33].

¹ Курсив мой – Е.К.

² Курсив мой – Е.К.

Апокалиптические мотивы достаточно отчетливо проявляются в лирике Хаиндровой: зло постоянно выступает то как некое обобщенное явление или состояние бытия на фоне тревожного пейзажа, чаще всего сумрачного (сумрака вообще много у Хаиндровой – и интериоризированного, и чисто природного: «Встревоженные в небе тучи / Не могут слезы превозмочь» [Хаиндрова 2003: 34]), то как зло человеческое, рожденное именно людьми («Мир острою враждою, злобой полон» [Хаиндрова 2003: 47]; «Отчего моя бессильна память / О любви и злобе рассказать?» [Хаиндрова 2003: 134]), но тем не менее, как у романтиков, душа человека почти всегда сливается с природой («Вражда и злоба... Закружила вьюга» [Хаиндрова 2003: 47]; «...ищет свою молодую ханум, / Которую злобный похитил самум» [Хаиндрова 2003: 95]; «Не увидишь нас в серой одежде / Чуждой осени злой и недужной» [Хаиндрова 2003: 105]; «уносят злобные вихри» [Хаиндрова 2003: 120]), и этому есть объяснение:

Почти людская у природы злоба,
Коварна и изменчива она [Хаиндрова 2003: 112].

Зло, кроме того, интерпретируется и в библейском контексте, как в стихотворении Самсон («Но кто предскажет злобы час, / Когда она созреет в нас? / Вчера друзья – враги они. / И крови жаждут...» [Хаиндрова 2003: 62]).

В одном из поздних стихотворений Хаиндрова дает объяснение тому, что человеческое зло, как правило, имеет свои корни в зле природном, стихийном. Впрочем, рядом всегда стоит добро и уравнивает бытие:

Проговорилась радостным стихом.
А небо грозами проговорилось.
Добро дается пополам со злом,
Как у меня сегодня получилось.
Есть четкое деление границ,
Но зло с добром переплелось повсюду.
Вчера в неторопливом лете птиц
Я, как свою, угадывала смуту

[Хаиндрова 2003: 126].

Бодлеровские цветы зла в трактовке Хаиндровой – это обман и пустота жизни (и, конечно, революционных для лирики стиховых экспериментов, как у Бодлера, у поэтессы нет):

Жизнь обманула, жизнь прошла,
Изменчивая, как сирена
Мы лишь цветы встречали зла
И тяжкие объятья плена [Хаиндрова 2003: 49].

Между тем цветов не зла, но разных других в ее стихах тоже много – от увядших («Цветы, в которых красок больше нет» [Хаиндрова 2003: 79]), обозначающих конец жизни как «тоску угаснувшего лета» [Хаиндрова 2003: 88], до скорбных и кладбищенских:

И только милость Божия над ними
Рассыпала безвестные цветы...
[Хаиндрова 2003: 50]

и символизирующих вечную жизнь и возрождение, как в Китайской пашне:

И, встречая легкие зарницы,
Ласково кивнут тебе цветы.
Станет взрослым сын твой желтолицый,
Тишину полей поймет, как ты
[Хаиндрова 2003: 66].

Надо отметить, что В. Перелешин часто использовал в стихах флористические метафоры: поэзия как сад, журналы – сады, в целом – сад харбинской поэзии. А поэтессы выступают как садовые феи. Посмотрим, как описан в «Поэме без предмета» вечер, где продавались книги Перелешина, Хаиндровой и Андерсен:

На вечер Пятницы в «Атомик»
сбежалось множество гостей.
А на столе в соседнем зале
уже остывшие лежали
худые отпрыски семьи:
хаиндровские и мои,
да книжка милая Ларисы
«Луга земные» – дивный сад!
А гости пили шоколад
и вызывали нас на бисы,
а после раскупили вмиг
два-три десятка наших книг
[Перелешин 1989: 294].

На вечере продавались книги Хандровой («Ступени», «Крылья»), Перелешина («На распутье», «В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем» и «Жертва») и «По земным лугам» Л. Андерсен. Перелешин в своей «Поэме...»,

как правило, поминает Хаиндрову и Андерсен вместе: во всех цитатах рядом с «Лидо» появляется Ларисса¹.

В стихах Хаиндровой тоже неоднократно упоминаются сады (вплоть до Гефсиманского), сады чаще выглядят символически, иногда обрастают какими-то конкретными и яркими деталями, возникает впечатление, что сад для поэтессы – это метафора судьбы, метафора любви и в некоторых случаях одиночества:

Примиренность от осени эта:

Вот опять осыпается сад [Хаиндрова 2003: 34].

Цветет ли роз тот ярко-красный куст,
Где ветви винограда цепко стлались?..
Не может быть, чтоб в памяти остались
Живые розы, если сад стал пуст

[Хаиндрова 2003: 45].

Мне ничего не надо.

Лишь этот миг, что ветерок донес

Из памяти замкнувшегося сада

[Хаиндрова 2003: 56].

Тебе была дана печаль минут
И слез невыплаканных звездная плеяда.
Они живут и создают уют
Благословенного покоя сада

[Хаиндрова 2003: 57].

Пронзительно от ветра дни кричали,
Но в пышной седине приморский сад
И зябнущие северные дали
Лишь больше приукрасили ряд

[Хаиндрова 2003: 68].

Как засияет сад земной у нас,
И сколько нежности мы отдадим друг другу,
Когда придет наш долгожданный час,
И ты ко мне свою протянешь руку

[Хаиндрова 2003: 87].

Евангельская тематика у Хаиндровой, как правило, связана с описанием душевных взлетов и падений, тяжелого пути вверх, как

на метафорическую Голгофу. «Лидия Хаиндрова прибегала к библейско-евангельским образам в стихотворениях, связанных с темой исторической памяти и эмигрантской судьбы („Беженцы“, „Не закричу“, „Евангелие“») [Забияко, Эфендиева 2008: 362]. Однако евангельский подтекст в лирике Хаиндровой во многом идет фоном в текстах, где ведущим мотивом является путь (особенно концентрированы библейские мотивы в сборнике стихов «Крылья»):

Дорога горная... Сад Гефсиманский розов –

От факелов, от возбужденных лиц.

Встают пред ней евангельские грозы,

И дремлет грусть в тени густых ресниц

[Хаиндрова 2003: 53].

Путь Хаиндровой – это дорога жизни сквозь три родины, о которых она неизменно пишет с любовью и которых ей всегда не хватает (Грузия, Россия, Китай). В Китае она грустит о Грузии и России, в России – о Грузии и Китае. Это путь к старости, к смерти сквозь лишения и беды:

С годами замолкает понемногу

Так страстно в жизнь влюбленная душа,

И в дальнюю собираемся дорогу,

Кто медленно, кто тяжело, кто спеша

[Хаиндрова 2003: 90].

Часто трудное движение по дороге жизни овеяно в стихах Хаиндровой трагическими любовными переживаниями, и они подаются в ахматовском ключе – на натяжении мотивов *разлука/одиночество/усталость*:

Но, мудрая, и я пушусь в дорогу,

Чтоб встретиться с тобой когда-нибудь.

Я прошлое захлопнула, как двери:

Довольно мне падений и высот

[Хаиндрова 2003: 96].

В связи с мотивом дороги у восточных эмигрантов стабильно встречается сочетание «пыль чужих дорог» (см. название книг стихов и прозы П. П. Булыгина [Булыгин 2009]

¹ ...Хаиндрову черноволосой
застал я – стройной, востроносой,
великолепно-молодой
(не родилась она седой)...
...Другая – Андерсен Ларисса:
большие лунные глаза,
танцовщица, поэт, актриса... [Перелешин 1989: 54–55].

и Б. Н. Волкова [Волков 1934]¹), есть эта формула и у Хаиндровой:

И, отмета пыль чужих дорог,
Сказать, к земле родимой прикасаясь:
Я для тебя берег, как только мог,
Сны некогда приснившегося рая
[Хаиндрова 2003: 101].

Приснившийся рай – это мечта, как в Евангелии, принять Бога и мир, и, несмотря на сложную судьбу, что вполне отражено в лирике, поэтесса Божий мир принимает.

С одной стороны, совершенно отчетливо выступает в лирике Хаиндровой романтическая ориентация, многие мотивы заимствованы у романтиков (грозы, горы, дорога, путь вверх, падение), но, с другой, нет обостренной оппозиции, нет отчетливых антитез, нет сильных эмоций отрицания. Светлая лирическая героиня, приемлющая свое и чужое, наслаждающаяся и «бродягой-лучом», и «холодной хмурую зимой», и «солнцем юга», и в целом «жизнью-хикурою»... Лидия Хаиндрова не ищет стихотворных экспериментов, не пробует разнообразные размеры и ритмы на вкус, не эпатирует читателя пугающими образами, ее поэзия тиха, спокойна и бесхитростна. Как и Ахматова, Хаиндрова порой создает афоризмы – быть может, не слишком эффектные и запоминающиеся, но, впрочем, достаточно, точные и отражающие ее даже в печали гармоничный мир, несмотря на вовсе не гармоничную и благополучную судьбу:

Счастье – недоставленная почта,
Спрятанная кем-то про запас
[Хаиндрова 2003: 134].

По-настоящему тот молод,
Кто не умеет забывать [Хаиндрова 2003: 133].

Счастье
Себя мы понапрасну мучим
Исканьем счастья своего:

Ведь было в нашей жизни лучшим
Лишь ожидание его [Хаиндрова 2003: 128].

В письме к Хаиндровой Лариссы Андерсен из Иссанжо от 26 марта 1975 г. читаем: «А почему же, Лидо, Вы считаете себя неудачником? Это, конечно, вопрос каверзный, не хотите, не отвечайте. О себе скажу, я не знала, что я неудачник, а вот Миша Волин читал доклад о дальневосточных поэтах и обо мне сказал, что у меня было все, кроме удачи в жизни. Ну тут я подумала, подумала и решила, что правда. Даже чуть не прослезилась над собой. Это ведь так, смотря с какой стороны смотреть. „Еще есть полбутылки“ или „уже нет полбутылки“.

Что касается Ваших стихов, Лидо, то они мне все, все понравились очень. В каждом есть то главное качество, что называлось избитым, банальным, но таким необходимым для поэзии (да и для поэзии ли только?) словом – „душа“. И в стихах Ваших и в Вас самой полно „души“, и за это и стихи Ваши и Вас я очень люблю. И еще мне нравится их перепев, не слишком скованный рифмами. А что касается Тополихи, то каждый раз, когда я читаю, – задевается какая-то сокровенная, очень, видно, большая струнка, и глаза начинают мокреть. Это еще ничего, а хотелось бы по-бабьи заголосить, запричитать. Честное слово. Почему так? Ведь вот, напиши такую критику о стихотворении, будет не солидно, а спой это стихотворение, да еще под гитару, с хорошим мотивом, – ползала завоюет, и я хуже всех. „Полезного“ тут тоже немного» [В погаснувшем прошедшее воскресло 2011: 75].

Я думала – это ласточка,
А это лист тополиный.
Он кружится и трепещет
В тревоге почти человеческой.
Бедняга, сорвался с ветки
И носится он в пространстве.
Все дальше от тополихи
Уносятся злые вихри.

¹ О книге стихов Волкова «В пыли чужих дорог», «первое название которой было „Реестр моих переживаний“» [Проскурина 2021: 268], пишет Е. Н. Проскурина. Е. Дубровина полагает, что, возможно, формула «пыль чужих дорог» у Волкова возникла под влиянием стихотворения Булыгина «Из сказки о маленьком белом ангеле» (1921): «А в пыли дороги / Упавший деревянный крест лежит» [Булыгин 2009: 52]. Однако мы, скорее, согласимся с исследовательницей, которая допускает также, что «названия этих двух книг „Пыль чужих дорог“ и „В пыли чужих дорог“ простое совпадение, совпадение по схожести судеб, по жизни, прошедшей „в пыли чужих дорог“» [Дубровина 2022: 60]. Общение с внучатой племянницей Булыгина Т. С. Максимовой – инициатором издания творческого наследия поэта – убеждает в том, что эта ретроспективная формула, использованная составителями тома стихов и прозы, уже отрефлексирована временем и взглядом из XXI века на судьбу писателя.

В тревоге, почти человеческой
 Она замирает от страха
 Не плачь, не плачь, тополица, —
 Сына умчали вихри,
 Осенние, злые вихри
 Будут еще листочки,
 Будут еще сыночки.
 Не плачь, не плачь, тополица!

[Хаиндрова 2003: 120]

В отличие от других силлабо-тонически ритмизованных и скрепленных рифмами стихотворений (как правило, у Хаиндровой это четырех- и пятистопные ямбы), «Тополица» написана дольником, переходящим в акцентный стих, без использования рифмовки. Хаиндрова ориентировалась на говорную поэзию, этот текст и читается как плач – причитание по погибшему сыну с обилием повторов (и синтаксических, и семантических). В русской народной поэзии психологический параллелизм – один из основных приемов (см., например: «То не ветер ветку клонит, / Не дубравушка шумит, / – То мое сердечко стонет, /

Как осенний лист, дрожит»). Этот же прием использует и Хаиндрова.

Очевидна, кроме того, аналогия с лермонтовским листком («Я бедный листочек дубовый, / До срока созрел я и вырос в отчизне суровой. / Один и без цели по свету ношуся давно я, / Засох я без тени, увял я без сна и покоя» [Лермонтов 2000: 200]), только лирическая точка зрения у Хаиндровой передана образу Тополихи – матери, переживающей разлуку с сыном. Если первая часть стихотворения более «лермонтовская» – о трагической судьбе оторванного тополинного листа, то вторая переводит ракурс на оставшуюся без сына мать, которая по страшной прихоти бытия («Сына умчали вихри, / Осенние, злые вихри») обездолена и обескровлена от страха и безнадежности.

В этой метафоре слышен намек на покинутую интеллигенцией Россию, на судьбы российской эмиграции, да и всей рассеянной по свету русской культуры. Понятно, почему это стихотворение так понравилось Лариссе Андерсен.

Литература

- Арустамова, А. А. Тема памяти в творчестве Лидии Хаиндровой / А. А. Арустамова, Д. А. Третьякова-Суворова // *Филология в XXI веке*. – 2018. – № 2. – С. 90–96.
- Ахматова, А. А. Малое собрание сочинений / А. А. Ахматова. – СПб. : Азбука, 2016. – 626 с.
- Ахматова, А. А. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 1. Стихотворения. 1904-1941 / А. А. Ахматова. – М. : Эллис Лак, 1998. – 968 с.
- Булыгин, П. Пыль чужих дорог: Собрание стихотворений / П. Булыгин. – М. : Academia, 2009. – 480 с.
- Волков, Б. В пыли чужих дорог / Б. Волков. – Берлин : Парабола, 1934. – 176 с.
- «В погаснувшем прошедшее воскресло»: письма Л. Н. Андерсен к Л. Ю. Хаиндровой // *Культурная жизнь Юга России*. – 2011 – № 5 (43). – С. 68–77.
- Дубровина Е. М. Литература русской диаспоры / Е. М. Дубровина. – М. : Издательство «Юрайт», 2022. – 320 с.
- Жирмунский, В. М. Творчество Анны Ахматовой / В. М. Жирмунский. – Л. : Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1973. – 184 с.
- Забяко А. А. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина) / А. А. Забяко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.
- Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 2 / М. Ю. Лермонтов. – М. : Воскресенье, 2000. – 404 с.
- Мяо, Хуэй. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае : дис. ... канд. филол. наук / Мяо Хуэй. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2016. – 178 с.
- Перелешин, В. Поэма без предмета / В. Перелешин ; под ред. С. Карлинского. – Холиоук : Нью Ингленд Паблшинг Ко, 1989. – 411 с.
- Проскурина, Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова / Е. Н. Проскурина // *Сюжетология и сюжетология*. – 2021. – № 1. – С. 264–280.
- Хаиндрова, Л. Ю. Сердце поэта / Л. Ю. Хаиндрова. – Калуга : Издательство «Полиграф-Информ», 2003. – 416 с.
- Юаньюань, Ч. Творчество В. Перелешина в контексте литературы русского зарубежья в Китае / Ч. Юаньюань. – Текст : электронный // *Миграционная лингвистика*. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-pereleshina-v-kontekste-literatury-russkogo-zarubezhya-v-kitae> (дата обращения: 21.08.2022).
- Якимова, С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока / С. И. Якимова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – 111 с.

References

- Akhmatova, A. A. (1998). *Sobranie sochinenii: v 6-ti t.* [Collected Works, in 6 vols.]. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 1904–1941. Moscow, Ellis Lak. 968 p.
- Akhmatova, A. A. (2016). *Maloe sobranie sochinenii* [Small Collected Works]. Saint Petersburg, Azbuka. 626 p.
- Arustamova, A. A., Tretyakova-Suvorova, D. A. (2018). Tema pamyati v tvorchestve Lidii Khaindrovoi [The Theme of Memory in the Work of Lydia Khaindrova]. In *Filologiya v XXI veke*. No. 2, pp. 90–96.
- Bulygin, P. (2009). *Pyl' chuzhikh dorog: Sobranie stikhotvoreniy* [Dust of Other People's Roads: A Collection of Poems]. Moscow, Academia. 480 p.
- Dubrovina, E. M. (2022). *Literatura russkoi diaspory* [Literature of the Russian Diaspora]. Moscow, Izdatel'stvo «Yurait». 320 p.
- Khaindrova, L. Yu. (2003). *Serdtshe poeta* [Poet's Heart]. Kaluga, Izdatel'stvo «Poligraf-Inform». 416 p.
- Lermontov, M. Yu. (2000). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Complete Collection of Works, in 10 vols.]. Vol. 2. Moscow, Voskreseniye. 402 p.
- Miao, Hui. (2016). *Izobrazhenie traditsionnoi kitaiskoi kultury v russkoi emigrantskoi literature v Kitae* [Depiction of Traditional Chinese Culture in Russian Emigrant Literature in China]. Dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, Dal'nevostochniy federal'nyi universitet. 178 p.
- Pereleshin, V. (1989). *Poema bez predmeta* [Poem without Subject] / ed. by S. Karlinsky, Holyoke, N'yu Inglend Publising Ko. 411 p.
- Proskurina, E. N. (2021). Vostok v tvorchestvom soznanii B. Volkova [The East in the Creative Mind of B. Volkov]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 1, pp. 264–280.
- «V pogasnuvshem proshedshee voskreslo»: pis'ma L. N. Andersen k L. Yu. Khaindrovoi [“In the Extinguished Past, the Past Is Resurrected”: Letters from L. N. Andersen to L. Yu. Khaindrova]. (2011). In *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. No. 5 (43), pp. 68–77.
- Volkov, B. (1934). *V pyli chuzhikh dorog* [In the Dust of Other People's Roads]. Berlin, Parabola. 176 p.
- Yakimova, S. I. (2009). *Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* [Literature of the Russian Diaspora of the Far East]. Khabarovsk, Izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 111 p.
- Yuanyuan, Ch. (2021). Tvorchestvo V. Pereleshina v kontekste literaturny russkogo zarubezh'ya v Kitae [The Work of V. Pereleshin in the Context of Russian Literature Abroad in China]. In *Migratsionnaya lingvistika*. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-pereleshina-v-kontekste-literaturny-russkogo-zarubezhya-v-kitae> (mode of access: 21.08.2022).
- Zabiyako, A. A., Efendieva, G. V. (2008). «Chetvert' veka bezzhenskoi sud'by...» (*Khudozhestvennyi mir liriki russkogo Kharbina*) [“A Quarter of a Century of Refugee Fate...” (Artistic World of the Lyrics of Russian Harbin)]. Blagoveshchensk, Amurskii gosudarstvennyi universitet. 428 p.
- Zhirumsky, V. M. (1973). *Tvorchestvo Anny Akhmatovoi* [Creativity of Anna Akhmatova]. Leningrad, Izdatel'stvo «Nauka». Leningradskoe otdelenie. 184 p.

Данные об авторе

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: kulis@mail.ru.

Author's information

Kulikova Elena Yurievna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Sector of Literary Criticism, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia).

Дата поступления: 27.09.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 27.09.2022; date of publication: 31.10.2022